

Книжное обозрение Book review

DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_03_10

Федунина Н.Ю.

Рецензия на книгу Cléopâtre Athanassiou-Popesco (2006),
Représentation et miroir: essai psychanalytique sur la naissance
de la représentation et son rapport avec l'image observée dans le miroir,
Paris, Éd. Popesco, 142 p.

Fedunina N.Yu.

Book review. Cléopâtre Athanassiou-Popesco (2006),
Représentation et miroir : essai psychanalytique sur la naissance
de la représentation et son rapport avec l'image observée dans le miroir,
Paris, Éd. Popesco, 142 p.

Центр спортивных технологий и подготовки спортивных команд Москалспорта, Москва, Россия

В своей книге Клеопатра Атанассиу-Попеско на материале анализа развития идентичности ребенка рассматривает формирование психических репрезентаций по аналогии с театральной метафорой: во-первых, с точки зрения создания самого внутреннего театра, во-вторых, с точки зрения той пьесы, которая разворачивается на внутренней сцене психики. Клеопатра Атанассиу-Попеско опирается на труды З. Фрейда, М. Кляйн, Э. Бик, А.-М. Фонтен по формированию внутреннего психического пространства. Развитие репрезентаций прослеживается в парадигме объектных отношений. Такой взгляд может быть интересен не только психологам-практикам, но и исследователям когнитивного развития ребенка, социальной перцепции и межличностного взаимодействия, эмпатии и других психических функций и феноменов. В книге раскрываются сложнейшие внутренние механизмы развития представлений о себе и других в связи фундаментальными процессами сепарации, потери конкретности объекта, формирования внутренних поддерживающих объектов, сопряженных с необходимостью признать и отторгать, что объект не является его частью, что репрезентация никогда не станет реальным объектом. Формирование репрезентаций в то же время сопряжено со становлением трехмерности психического пространства. Книга включает три части. В первой части на материале клинической работы и наблюдений за младенцами раскрываются вопросы, посвященные развитию репрезентаций у ребенка и связи этого процесса с

восприятием образов «я» и другого в зеркале. Во второй части дается анализ психоаналитических исследований зеркала и процессов отражения. В третьей части рассматриваются мотивы образа зеркала, отражения, тени, двойника в мифах и искусстве.

Ключевые слова: Клеопатра Атанассиу-Попеско, психоанализ, наблюдение за младенцами, зеркало, репрезентация

Для цитирования: Федункина, Н.Ю. Рецензия на книгу Cléopâtre Athanassiou-Popesco (2006), *Représentation et miroir: essai psychanalytique sur la naissance de la représentation et son rapport avec l'image observée dans le miroir*, Paris, Éd. Popesco, 142 p. // Новые психологические исследования. 2022. № 3. С. 223–230. DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_03_10

Психоаналитическое видение формирования репрезентаций раскрывает не сводимую к сугубо когнитивному механизму межличностную парадигму, внутреннюю работу трансформации связей с объектом, которую должен осуществить ребенок. Репрезентация несет в себе след работы скорби по утрате конкретности наших владений. Ребенок должен отказаться от иллюзии, что он может хранить внутри себя эквивалент предметов и объектов, существующих вне его, что он может никогда не расставаться со своими объектами, а его самые важные объекты не отделены от него и подчиняются его контролю. Отказавшись от диктата конкретности объекта, он обретает способность думать о нем.

Опираясь на наблюдения за младенцами и клинический опыт, вслед за Эстер Бик, Клеопатра Атанассиу-Попеско утверждает, что трехмерность внутреннего пространства не является исходной данностью. Первоначально объект и «я» существуют в одномерном или двумерном пространстве, измерении поверхностей и точек. Внутренние объекты и процессы переживаются во всей своей конкретности. Так, в отсутствии переживания поддержки родителя, ребенок успокаивается, «хватаясь» за источник света или дпящийся звук. Это позволяет восстановить чувство идентичности. Автор отмечает, что характерной чертой примитивных тревог младенца является переживание падения в пустоту. Подобно альпинисту, врубающему ледоруб в горную породу, ребенок использует спасительную возможность ухватиться за малейшую точку, оказывающую сопротивление, обладающую непрерывностью и надежностью.

В дальнейшем идентичность обеспечивается не цеплянием за одну точку, а адгезией, прилипанием к поверхности. Клеопатра Атанассиу-Попеско показывает, что когда ребенок использует

адгезию, он прижимается к коже матери, не перенося зазора в телесной непрерывности, образованной единицей мать-ребенок. Адгезивная идентичность принимает форму своего носителя, поэтому она меняется так же часто, как и ее среда, оставаясь зависимой от этой поверхности. Кожа матери – это чаще всего первое, к чему «приклеивается» кожа ребенка, на чем скрепляются различные части его «я»-пазла. Предоставленные самим себе эти части рассыпались бы. Но, оказываясь на достаточно надежной основе, они образуют единое целое. Постепенно усваивая эту материнскую «основу», ребенок формирует переживание своей собственной непрерывности, собственной контейнирующей кожи. Его внутренние содержания складываются и организуются по мере формирования непрерывности поверхности. Если ребенок не может полагаться на руки матери, он может создавать свой собственный конверт, заменяющий и имитирующий то, как функционирует мускулатура матери, удерживающая ребенка и обеспечивающая ему надлежащее обертывание.

Формирование и развитие внутреннего пространства и репрезентаций объектов связывается К. Атанассиу-Попеско с работой депрессивной позиции, принятием сепарации. Когда ребенок признает обособленность и отдельность от своего объекта, он теряет иллюзию возможности слияния с объектом, но становится способен по-настоящему видеть и любить свой объект, уже не воспринимая мать просто как функцию, как часть себя, которая должна быть всегда к его услугам. Формирование репрезентаций неотделимо от принятия необходимости и готовности отторгнуть сепарацию и связанные с ней потери. Более того, объект, воспринимаемый как отдельный, в то же время воспринимается как связанный с другим объектом или третьей стороной. Это место отца в паре, которое руководит построением примитивной сцены и эдиповского конфликта.

Возможность смотреть на себя и видеть себя подразумевает идентификацию с объектом, который смотрит на нас. Автор отмечает, что в глубине материнского зрачка ребенок видит не только свой образ, но и способность матери формировать образы. Не только ребенок, но и мать должна признать отдельность ребенка. Она не должна цепляться за него в тот момент, когда он почувствует, что он может оторваться от нее. Ребенок видит, что он существует для нее, что он является объектом ее внимания, но также, что она его понимает как существующего вне ее, как реального человека, и у нее внутри есть репрезентация этого человека. Ребенок усваивает способности матери к символизации.

Зеркало как бы берет на себя примитивную функцию матери – вернуть образ «я» ребенку. Когда все идет хорошо, и мать может смотреть на своего ребенка как на чудо, ребенок чувствует себя чудом. Ребенку не нужно ничего делать, чтобы его любили и им восхищались. Во время периода первичного нарциссизма «я» находится в центре миров, им восхищаются и любят просто так. Затем на передний план выходит работа «я». Признание родительской пары предполагает, что ребенок не все для матери. Его отец заставлял сдирать глаза матери еще до него. И ребенку потребуются время и усилия, чтобы вырасти, завоевывать любовь и признание. В ситуации расщепления, если зеркало сливается с идеальным объектом, оно, как зеркало Белоснежки, отвечает на известный вопрос: «Ты прекрасней и милее, ты – сам идеал». При слиянии с преследующим объектом зеркало отвечает: «Ты уродлив, ты все портишь и никогда не приблизишься к совершенству». В ситуации интеграции на депрессивной позиции зеркало может ответить: «Ты не идеален, но ты можешь стать лучше», – показывая ту работу, те точки роста, которые могут помочь в том, чтобы улучшить состояние своего «я», репрезентацию «я». Как родители, которые видят усилия своего ребенка, дают ему понять, что это хорошая работа, что он растет и что они гордятся им, подкрепляя реалистичность отображения отношений в зеркале.

Клеопатра Атанасиу-Попеско подробно описывает развитие ребенка, его идентичности на материале динамики отношений с зеркалом, начиная с того момента, когда ребенок еще не сформировал свою идентичность, и до того момента, когда он ясно различает себя и свое отражение. В первый месяц жизни его чувство идентичности зависит от воссоединения с объектом. К концу первого месяца жизни симбиоз между матерью и ее ребенком начинает уступать место двум идентичностям. У ребенка формируется индивидуальность кожи, отличная от материнской. Параноидно-шизоидная позиция, формирующаяся в районе 3–4 месяцев жизни, знаменует перестройку психической организации, установление механизма расщепления. Он необходим для того, чтобы различать внутреннее и внешнее, качества объектов от качеств «я», разделить «плохое» и «хорошее». Связанные с процессами расщепления и объекта проективные движения позволяют вынести в другого то, что не признается как «я». Ребенок начинает обретать возможность воссоединиться со своей матерью, проецируя себя в нее. При выходе в трехмерный мир пустота трансформируется в пространство, в котором становится возможным взаимодействие между различными точками этого пространства, тогда как в одно- и

двумерном пространстве была возможна только фиксация благодаря цеплянию или адгезии, защищавших от бесконечного падения. В трехмерном мире работа по его формированию начинается с самого начала жизни, но особенно с момента создания двух отдельных оболочек матери и ребенка, развивается система отношений между внутренним и внутренним пространством. Содержимое помещается в контейнер, а все более активные интроективные процессы позволяют создавать настоящий внутренний мир, чья организация усложняется благодаря процессам расщепления и игре проекций.

В начале формирования депрессивной позиции, в возрасте около 6 месяцев ребенок видит в зеркале не отражение, а как будто настоящего ребенка. Малыш должен научиться признавать, что такой объект не является частью его самого. Стекло или отражающая поверхность означают невозможность превратить изображение в реальность. Ребенок в возрасте 9 или 10 месяцев может поворачиваться лицом к родителю, который держит его на руках или стоит рядом, и в тоже время искать его в отражении. В это же время ребенок также открывает синхронизм зеркала и несколько месяцев работает над координацией телесных ощущений с соответствующим зрительным образом. С точки зрения эволюции идентичности и построения «я», отделенного от материнского объекта, ребенок в возрасте 9 месяцев уже живет в мире большой сложности, поскольку примерно к 6 месяцам он начал осознавать, что его мать не является его продолжением. Он «оплакивал» это идеальное состояние, сопряженное с угрозами преследования. Ребенка больше не преследует, а огорчает отъезд матери, он может отделяться от своей матери и сохранять в глубине души образ матери. Он учится ждать тех, кого любит, оставаясь наедине с воспоминаниями, которые они оставили ему. Эти воспоминания, являющиеся репрезентациями, не обретают своего ментального статуса без этого болезненного опыта, переживания «горевания» по объекту.

В возрасте около 18 месяцев ребенок переживает чувство тревожной инаковости: он осознает невозможность найти свой внутренний мир вне себя, каким он существует в его реальности. Он видит в своем отражении призрака, как бы существующего вне его. Ребенок, охваченный ужасом перед своим изображением в зеркале, все еще верит в реальность образов. Постепенно он побеждает эту веру, принимая невозможность преодолеть барьер, который отделяет неосозаемое изображение от «я» или объекта, когда различия между внутренним и внешним миром достаточны для того, чтобы атрибуты этих двух миров не смешивались. Примерно к середине второго

года жизни ребенок изживает иллюзию, что зеркало заставляет существовать вопреки тому, что существует внутри. Ему приходится признать, что изображение в зеркале отражает лишь внешнюю поверхность внешнего мира. И отражение в зеркале теряет свою магию, репрезентация отсылает к реальности, с которой больше не смешивается. Однако минует еще множество стадий перехода, прежде чем ребенок научится не переживать свой внутренний объект в качестве эквивалента внешнего, установит границы существования «я» и объекта. Клеопатра Атанассиу-Попеско приводит знаменитый эксперимент Р. Заззо, который клал позади ребенка предмет и предлагал его забрать. Ребенок видел в зеркале отражение конфеты или шарика и тянулся к отражению в зеркале. Не ранее 16 месяцев ребенок мог повернуться, чтобы взять конфету, находящуюся позади него. Такое поведение может сохраняться и в 3 года. Когда ребенку удастся без колебаний обернуться к реальному предмету, мы можем заключить о сформированности способности к репрезентации, позволяющей не путать предмет/объект и его представление.

Лицо и взгляд матери являются первым зеркалом для ребенка, в котором ребенок должен найти свое отражение. Чтобы иметь возможность смотреть на себя, чувствовать, что он существует, он должен сначала быть замечен и понят. Зеркало рассматривалось как метафора первичной материнской функции, заключающейся в том, чтобы отражать и трансформировать с помощью внимательного взгляда на жизнь ребенка. О возникающих в случае неудачи этого процесса примитивных тревогах свидетельствуют такие фигуры, как вампир, у которого нет отражения, или медуза, которая в безымянном ужасе охватывает того, кто сталкивается с ней, переживания замутненного, искаженного или разбитого зеркала.

Наряду с анализом зеркала, Клеопатра Атанассиу-Попеско размышляет о тени. Тень относится к репрезентации не объекта, а препятствия, отсутствию репрезентации. Зеркало связано с ощущением присутствия, образом на отражающей поверхности, а тень – с ощущением отсутствия, проекцией на непрозрачную поверхность. Когда объект поворачивается к нам спиной, оставляет тень, мы сохраняем память, представление о нем. Объект может уходить или поворачиваться другой, скрытой стороной, и тем не менее, и в отсутствии объекта мы можем сохранять переживание и восприятие его целостности, символической глубины. Конкретность восприятия всегда ограничена, но, отказавшись от всемогущества конкретности физического присутствия, мы можем не просто грустить по

отсутствующему объекту, но и знать, что ночь не безгранична и что за ней будет день.

Последняя часть книги представляет собой завораживающий анализ мифов и произведений искусства. Автор рассматривает трагедию двухмерности мира Нарцисса, приклеенного к своему образу в «черных водах смерти», и, напротив, понимает мысль и репрезентацию как подлинный щит Персея, дающий возможность взглянуть на то, на что невозможно смотреть напрямую, конкретно. Анализ образов отражения, искажения, двойника в произведениях Оскара Уайльда, Ги де Мопассана и других произведениях искусства и литературы позволяют глубже и полнее отобразить те связи, которые «я» поддерживает со своими внутренними объектами и внешним миром.

Подобно тому, как параноидно-шизоидная и депрессивная позиция в понимании Кляйн не являются чем-то незбылемым, обнаруживая колебания и переходы в любом возрасте, так и видение психических процессов, с точки зрения особенностей идентификации в данный момент, характеристик конструирования внутреннего пространства, раскрывают всю сложность и многоуровневость психологической топологии. У нас бывают моменты, когда наше внутреннее пространство схлопывается и мы пытаемся «зацепиться» за человека/убеждение, чтобы не развалиться, сохранить целостность своего «я». Мы легко придаем статус реальности своим мыслям и опасениям, допуская смешение репрезентации и реальности. Нам бывает так непросто сталкиваться с Тенью (объекта и «я»), ставящей перед необходимостью признания того, что недоступно репрезентации. Книга Клеопатры Атанасиу-Попеско помещает нас перед зеркалом, отображающим и фокусирующим наш взгляд на этих базовых психических процессах, которые вовлечены в формирование трехмерного пространства человеческой жизни и пути.

Сведения об авторе

Наталья Ю. Федунина, кандидат психологических наук, Центр спортивных технологий и подготовки спортивных команд Москомспорта, Москва, Россия; 129272, Россия, Москва, ул. Советской Армии, д. 6; Natalia_fedunina@mail.ru

Fedunina N.Yu.

Book review. Cléopâtre Athanassiou-Popesco (2006),
Représentation et miroir: essai psychanalytique sur la naissance
de la représentation et son rapport avec l'image observée dans le miroir,
Paris, Éd. Popesco, 142p.

Center for Sport technologies of Moscomsport, Moscow, Russia

Cléopâtre Athanassiou-Popesco, basing on the analysis of the child's identity development, examines in her book the formation of mental representations by analogy with a theatrical metaphor: firstly, from the point of view of creating the inner theater itself, and secondly, from the point of view of the play that unfolds on the inner stage of the psyche. The author of the book relies on the works of Z. Freud, M. Klein, E. Bick, A.-M. Fontaine on the formation of inner mental space. The development of representations is considered in the paradigm of object relations. This view may be of interest not only to practicing psychologists, but also to researchers of cognitive development of the child, social perception and interpersonal interaction, empathy and other mental functions and phenomena. The book reveals the most complex internal mechanisms of forming ideas about oneself and others in connection with the fundamental processes of separation, loss of concreteness of the object, the formation of internal supporting objects associated with the need to recognize and reject that the object is not part of it, that representation will never become a real object. Three parts of the book are devoted to the problems of the development of representations in a child and the connection of this process with the perception of the image of the "I" and the other in the mirror, the analysis of psychoanalytic studies of the mirror and reflection processes, and the consideration of the image of the mirror in myths and art.

Key words: Cléopâtre Athanassiou-Popesco, psychoanalysis, observation of infants, mirror, representation

For citation: Fedunina, N.Yu. (2022). Book review. Cléopâtre Athanassiou-Popesco (2006), Représentation et miroir: essai psychanalytique sur la naissance de la représentation et son rapport avec l'image observée dans le miroir, Paris, Éd. Popesco, 142 p. New Psychological Research, No. 3, 223–230. DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_03_10

Information about the author

Natalia Yu. Fedunina, Ph.D (Psychology), Center for sports technologies and training of sports teams of Moskomspor, Moscow, Russia; bld. 6, Sovetskaya Armii str., Moscow, Russia, 129272; *Natalia_fedunina@mail.ru*